

От редакции

Сказать, что издание энциклопедии уральской поэтической школы (УПШ) назрело, – это значит сказать неправду. В культуре вообще мало что «назревает» собственно культурного. В ней (как, впрочем, и в любом ином цивилизационном фрагменте) по-настоящему могут «назреть» только хаос и деградация. А вот структурирование и происхождение форм – это результат инициатив со стороны тех участников процесса, которые просто не согласны с естественным положением вещей. В связи с этим нам остается перечислить несколько мотивов, приведших к деланию этой книги.

Работа по созданию, культивации, интенсификации уральского поэтического пространства идет уже более 30 лет. К примеру, только проект «Антологии современной уральской поэзии (АСУП)» длится почти двадцатилетие. Цели всей этой деятельности практически никому не ясны, но ее ценность чудесным образом – очевидна. Поэтому и захотелось задокументировать уже произошедшее, причем сделать это избыточно подробно и разнообразно. Уральское поэтическое движение, которое мы произвольно назвали «Уральская поэтическая школа» (и никуда теперь от этого не деться) – первая у нас в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, что с конца 70-х годов прошлого века и по сей день инициирует новые поэтические смыслы, выводя их в сферу частной культурной практики, которая в свою очередь действует, не учитывая государственную «заинтересованность» двух социально-культурных систем, где ей (этой практике) приходится/приходится существовать. Причем поэты (частнопрактикующие культурные персонажи) ощущают себя окруженными членами этой корпорации и, похоже, только ими, ибо публика как «жанр» на сегодняшний день отсутствует полностью. (Тем более, что художник переживает образ как идею, а зритель как стиль. Стало быть, партнерство в данном случае исключено методологически).

Итак, УПШ появилась помимо государства, вопреки ему, и существовала параллельно ему. И пока государство все это время позорно *мутировало*, УПШ – *развивалась*, т.е. органично приращивала к уже существующему *внезапно* возникающее.

Почти все комментаторы этого явления (как апологеты, так и противники) со скоростью личного энтузиазма удаляются от предмета исследования, когда начинают рассуждать про «уральское поэтическое движение» с точки зрения его соотносимости с понятием «поэтическая школа». Есть такая почти профессия – «переворачиватель пингинов». Пингины, обитающие вблизи полярных станций, живо реагируют на пролетающие вертолеты. Животные задирают голову и отклоняются назад, а поскольку шея у них короткая, а туловище – неповоротливое, они часто заваливаются на спину. Перевернуться и встать самостоятельно пингины не могут, поэтому после каждого прилета или отлета к ним на помощь приходит специалист. Иначе животные погибнут. Придется и нам выступить в роли «переворачивателя пингинов»: никаких литературных школ в принципе не суще-

ствуется. Есть литературные секты, и отличает их только степень тоталитарности. И это нормально. Школа же применительно к поэзии – фигура речи. Мы в свое время обозначили уральское поэтическое движение «школой» по инерции, граничащей с наивностью. Впрочем, если есть смысл в этом сравнении, то вот он: школа – это то место, где молодые люди проживают свое детство, запоминая его навсегда. А еще точнее – это то место, где детство проживают молодых людей, оставляя по себе воспоминания, способные заменить всю дальнейшую жизнь.

Таким образом, создание энциклопедии уральского поэтического движения, названного, повторимся еще раз, уральской поэтической школой, это не попытка систематизировать накопленный материал (что, кстати, произойдет в этой книге автоматически), это даже не стремление к аналитике, рискующей стать крайне интересной или даже захватывающей, но это прежде демонстрация духовного превосходства поэтического сознания над рисками деградации русской культуры. Одним из исключительных проявлений этой культуры есть и будет оставаться поэзия. Могут появиться российское кино, российский театр, даже российская проза, но поэзия была и остается только *русской*, и никакой иной она в принципе быть не сможет, ибо является неочевидным продолжением тайн и возможностей русского языка, а стало быть и русского дореволюционного сознания. Любый поэт какой угодно (по рождению) национальности, вступающий в раскаленную плазму практики русского поэтического сознания, начинает (хочет он этого или не хочет) выполнять генетическую программу этого поэтического сознания. И чем дальше он (по рождению) от этой программы отстоит, тем истовее это будет у него получаться. Такова логика ментальных взаимодействий. Поэзия дана нам не для создания гениальных стихотворений, а для того, чтобы мы могли *измениться*. Чтобы мы почувствовали язык ангелов. А в крайнем случае, чтобы взяли и просто создали этот язык. Чтобы научились говорить на нем друг с другом. Чтобы научившись этому, стали бы жить по ангельским законам. Только такая сверхзадача оправдывает, поддерживает и наполняет будущим русскую поэзию.

Уральское поэтическое движение появилось без видимых причин, не имея ни учителей, ни отцов-прародителей, ни даже теоретических посылов. Его персонифицированные истоки – великоплены в своей неопределенности. Четыре поколения поэтов, сконцентрированные на тридцатилетней временной площадке, сжатой периметром трех городов (плюс еще двумя десятками уральских поселений), явили природу и смысл «черных дыр» провинциальной культуры, свет которых просто

не может по определению выйти за пределы созданной ими реальности. Это движение, названное уральской поэтической школой, не опознаваемо конгломератом центральной/московской культурной иерархии, способной переваривать и включать в свои ряды только разве что одиночек, выдергивая их из любой подвернувшейся под руку провинциальной парадигмы. Ибо абсолютная неосведомленность именно во всем делает эту иерархию очень устойчивым и структурно необходимым явлением.

Такое положение дел не конфликтно, а *плодотворно*. С одной стороны – создаются национальные потемкинские деревни современной литературы, заселенные гениями, яркими и не очень яркими талантами, а также яркими не-талантами (и это не ирония, а просто такова природа мейстрима), а с другой – работают и решают свои внутренние задачи иные «миры» размером с Уралмаш, Мотовилиху или ЧМЗ. Уральское поэтическое движение своей поражающей воображение массовостью, качеством, разнообразностью продемонстрировало, что цель литературы – отнюдь не литература. Оно (это движение) своим существованием сформулировало следующее: люди с концентрированной духовностью не должны сетовать на невостребованность; они на то и высокодуховны, чтобы самим создавать социальные и эстетические жанры своей деятельности без надежды на «одобрение» со стороны общества и тем паче – государства. И дело здесь не в том, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а в том, чтобы процесс утопления переделать в великолепный массовый заплыв с дюжиной мировых рекордов на финише. Решающим здесь будет не скорость и мощь движений, а их постоянность и длительность. Ибо никто не сможет отменить один из основных культуротворческих законов, который гласит, что *халва реально образуется во рту на три тысячи сороковом произнесении этого слова*.

Ощутимые сдвиги в жизни вообще и в культуре в частности может породить только сумма судеб (не биографий, а судеб) людей, решивших двигаться в направлении, о котором они в начале пути даже не имеют понятия. У любого пути (не дороги, а пути) есть одна особенность, о которой надо помнить: в самом начале пути наиважнейшим является *куда* он ведет, ближе к середине – *кто* идет по этому пути, а в конце – *кого* эти кто-то ведут за собой. Собственно об этом наша книга.

Когда мы вглядываемся в звездное небо, приходит ли нам на ум, что мы наблюдаем далекое прошлое нашей Вселенной и что Ее настоящее нам недоступно? И может, стоит поразмышлять, чему принадлежит наше с вами настоящее, – вполне возможно, этому самому прошлому. И если это так, то оно (прошлое) – в наших руках. И из этого срочно нужно сделать выводы, пока эти выводы не сделали нас. Такие дела.